

МЕДИАТИЗАЦИЯ МОБИЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
(АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ПОДХОД)

Ключевые слова: мобильный телефон, теория функций, теория структур, вещь, материальность, гибрид, мобильность

Задача статьи - проследить возможные трансформации культурных практик, которые мобильные технологии (точнее - мобильные телефоны) привносят в повседневную жизнь современного человека. Автор выявляет три основные тенденции этих изменений: 1) дальнейшее развеществление мобильной телефонии в сторону превалирования функции над структурой; 2) закрепление возникших изменений в культуре повседневности на уровне традиций и ритуалов и начало процесса ре-овеществления текучести; 3) ингибиторная модель развития и ее возможные социальные последствия (аутопойесис системы как способ торможения слишком стремительных социальных изменений).

Этнографическое исследовательское поле преимущественно сосредоточено на устойчивых (материально закрепленных) знаках культуры. Воплощаясь в ритуале, всякая традиция неизбежно овеществляется, получая свое выражение не только и не столько в образцах поведения, сколько в предметном мире, эти символические паттерны воплощающем. Акторно-сетевая теория (АСТ), связанная в большей мере с философией культуры, может способствовать обогащению этнографической науки. В рамках такого сочетания методов акторно- сетевого подхода и собственно этнографического анализа культуры повседневности представляется плодотворным рассмотрение мобильных технологий как элемента повседневной жизни все большего числа людей. Однако подобное “наслоение” создает и определенные трудности в решении поставленных задач.

Акторно-сетевой подход к анализу действительности предполагает обращение к трудам исследователей, перемещающих фокус внимания с современного социума на овеществленные структуры, воплощающие отношения, выражающие суть этой социальности. Переход от языка социологии к языку нового техно- (и веще-)центризма (АСТ прошла свое становление в борьбе с социологическими подходами, а следовательно, вынужденно допуская крен в материальное как таковое, исключаящее социальное) потребовал от научного дискурса соответствующей “перезагрузки”: в конкретных кейсах акторно- сетевого анализа упор делается на тех сетях, что определены вещным миром, а не символическими социальными иерархиями. В оппозиции “human/non-human” второе, несомненно, акторно-сетевому аналитику интереснее, и выбор самих объектов научной рефлексии (будь то велосипедист, корабль или доводчик двери) подчеркивает приоритетность материального (а не диалектику или гибридность объектов “human/non-human”). В то же время классические примеры такого анализа, встроенные в рассуждения с иными целями, нежели оттачивание теории, выявляют более гибкие принципы рассмотрения действительности “с оглядкой” на место материальности в (ре)конфигурации социальных практик. Характерный образец реализации акторно- сетевого подхода в анализе конкретных кейсов можно найти, например, в “Мобильностях” Дж. Урри - в его рассуждении о мобильных телефонах:

Молодые люди описывают свои мобильные телефоны как вид протеза, как будто они физически сливаются с телом. Мобильные телефоны позволяют им быть “настоящими” социальными существами. Без них они “теряются”, будучи в полной зависимости от подвижных систем: “Я однажды потерял его. Это было ужасно, худшая неделя в моей жизни. Я не понимал, что я делаю и вообще... а самое скверное, что в нем остались все номера” (портье, 20 с небольшим лет - *Larsen, Urry, Axhausen* 2006: 113; цит. по: *Urry* 2012: 332).

В этом фрагменте для нас важны два момента: отсутствие прямого указания на гибридность объекта и интерпретации полученного ответа, достаточность одного мнения для построения валидных рассуждений. В центре внимания - выявление *места* предмета в сети. Каким бы это место ни оказалось, главная задача самого подхода (метода) - обнаружение тех особенностей “неживой материи”, которые доказывают ее агентность и акциональность независимо от намерений взаимодействующих с вещью других участников сети. В рассмотрении таких феноменов, как, например, мобильные технологии, этот подход особенно продуктивен, поскольку сам объект исследования умножает опциональность такого рассмотрения: мобильная технология уже есть сеть (в прямом смысле слова), это средство коммуникации, предполагающее, как минимум, сам феномен коммуницирования; мобильный телефон легко и без особого символизма можно рассматривать в виде протеза, обеспечивающего “внешнее расширение человека” (*MacLuhau* 2003). Сам М. Маклюэн - еще до появления первых работ по АСТ, анализируя феномен телефонии, шел примерно тем же путем: в его разборе телефон самостоятелен и самодостаточен, вплоть до финальной метафоры: «“Все одиноки по телефону” описало полный круг. Скоро сам телефон станет “совсем одиноким и погрузившимся в грудь”» (*Ibid.*: 313). “Протезная” суть телефона описывается М. Маклюэном без всяких метафор: говоря о конфигурации телефона, он останавливается на победе “французской телефонной трубки” (“союз микрофона и наушника”) над английским вариантом (раздельные микрофон и наушник), указывает на то, что по совету “бостонского хирурга д-ра К. Дж. Блейка принимающее устройство телефонной трубки было напрямую смоделировано по образу и подобию костно-диафрагмальному строению человеческого уха” (*Ibid.*: 309). Когда М. Маклюэн включает в свое рассуждение описание интеракции детей с телефоном, он фактически прибегает к приему анимирования объекта (актантная и самодостаточная суть телефона доминируют, а человеку лишь позволено вступить в отношения с предметом): “Ребенок и тинэйджер понимают телефон, обнимая провод с трубкой так, словно это любимые домашние животные” (*Ibid.*: 303). Для М. Маклюэна было важно указать на активную сторону технологии, которая при всей ее зависимости от изобретательности человека и собственно “служебной роли” способна реконструировать социальное пространство.

Этот фрагмент из книги М. Маклюэна “Понимание медиа: внешние расширения человека” позволяет смотреть на АСТ как на органичное развитие философской рефлексии по поводу материальности и места вещного мира в социальном пространстве. Как видим, суть подхода предполагает поиск ответов на следующие вопросы: какие (и чьи) функциональные задачи решает предмет и каким (и чьим) потребностям отвечает; как проявляется сущность предмета в ходе его взаимодействия с человеком; какие функциональные задачи этот предмет не решает и почему.

Метод картографирования контроверз, предложенный Б. Латуром и ставший основой специальной дисциплины в одном из колледжей Парижа, разработка которой была поддержана VII рамочной программой ЕС. как раз и предполагает визуализированную процедуру вопрошания и отвечаия¹. Однако, говоря собственно о методе научного описания (де-скрипции) какого бы то ни было артефакта на языке АСТ, мы неизбежно оказываемся в поле особого дискурса, в основе которого - разоблачительное описание, ронящее эту теорию с практиками деконструктивизма, обнажения приема, срывания маски и т.п. В этом отношении стоит согласиться с В. С. Вахштайном, заметившим, что АСТ ближе к лингвистике и семиотике, чем к антропологии (*Vakhshtain* 2005:

101). В анализе техно-технологической реальности в ключе этого подхода основной акцент должен быть сделан именно на связке (точке сплава) “human/non-human” (“Задача социологии теперь состоит не в том, чтобы принимать во внимание не-человеков, но в том, чтобы превращать объекты в полемические и коллективные вещи средствами материальной семиотики, предлагаемой Б. Латуром и его коллегами” [Kuznetsov 2015: 82]). Мобильный телефон, так удобно пристроенный к ладони пользователя и сравнимый с протезом, может считаться релевантным предметом такого анализа.

Вторая сторона предлагаемого подхода связана с концепцией медиатизированной повседневности. Как известно, повседневное может рассматриваться как оппозиция исключительному, праздничному, редкому. Ссылаясь на определение В. Д. Лелею, подчеркнем его внутреннюю противоречивость, необходимую для одновременной демонстрации “неошутимости феномена” изнутри и острой значимости его в моменты отступлений от привычной жизни: “...с одной стороны, переживание повседневности как рутины и тривиальности, с другой - необходимость быть всегда “на чеку” и держать сознание в бодрствующем, напряженном состоянии” (см.: *Leleko* 2002: 97). Значимо, что повседневность воспринимается и как данность, и как ценность, которая может быть утрачена и которую следует беречь. При этом проникновение медиа в толщу повседневной жизни создает основу для трансграничности - речь идет о постоянном соприсутствии в повседневности *иной культуры*, нарушающей рутинность, деавтоматизирующей актора, ломающей его представления о причинно-следственных связях. Последовательное рассмотрение трансграничья было осуществлено, например, М.М. Бахтиным в книге “Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса” (*Bakhtin* 1990). Здесь карнавальная стихия сознательно создается обществом в целях деавтоматизации повседневности, создания пространства, свободного от норм и уложений повседневного быта, а во многом просто травестирующего и профанирующего их.

Стоит сослаться на культурологический анализ Ж. Бодрийяра в его “Системе вещей”, многие из наблюдений которого близки АСТ. Так, рассуждая о стремлении современного горожанина обзавестись загородным домом, Ж. Бодрийяр замечает: “Таким раздвоением... иллюстрируется процесс систематизации: чтобы достигнуть равновесия, система распадается на формально противоречивые, а по сути взаимодополнительные члены. <...> На уровне отдельных вещей этот процесс, разумеется, не так заметен, но любая вещь-функция все равно способна сходным образом разделиться пополам, формально противопоставившись сама себе и тем самым еще лучше интегрируясь в целое” (*Baudrillard* 2001: 91). Ж. Бодрийяр в своем символическом анализе симулякров действует в рамках структурализма (и уже в большей степени деконструктивизма, вскрывая “коннотации” вещей и предметов). Его анализ помогает понять повседневное как постоянную борьбу рутины и нового, реализацию стратегии удовольствия за счет потребления и обладания. Впрочем, он многократно подчеркивает, что тема “снобского превосходства над другими” в самом процессе потребления вещей не кажется ему продуктивной. Его анализ глубже и тоньше: за контурами повседневности ему удастся рассмотреть тоску по небывалому, по мифу и сказке (эта тоска и заставляет потреблять вещи “с двойным дном”, коллекционировать и т.п.). Переплетенность сакрального и профанного - сущностное свойство баланса систем (*Eliade* 1994), и в том, что касается потребления и распространения культуры мобильной телефонии, это сплетение особенно заметно. Факт органичного включения коммуникационных технологий в повседневность ведет к изменению самого понятия публичности, прочно включенного в ежедневные рутинные практики. Медиатизированное общество оказывается под давлением вторжения публичности в ранее закрытые сферы частной жизни, причем это давление идет не только извне (принудительная прозрачность действий, например, политиков, чиновников), но и изнутри (психологическая потребность разделить свою повседневность с другими, включить ее в публичное пространство).

Рассмотрим также историю изучения мобильных телефонов² как феномена повседневности. Важно, что динамика проникновения мобильной связи претерпела период быстрого роста числа пользователей мобильных телефонов, сопровождающегося оптимистическими прогнозами, и вступила сейчас в период рецессии, что дает возможность исследователям оценить реконфигурацию социального пространства под воздействием новой технологии. Отметим, что нас интересует только период массовой телефонизации населения, когда сотовый телефон перестал рассматриваться как предмет роскоши. Именно в это время (начало XXI в.) появляются первые исследования социальных последствий распространения мобильной телефонии. Выделим наиболее влиятельные из них. Одно из первых исследований “философии мобильной связи” выполнено Дж. Майерсоном (*Myerson* 2001). Апеллируя к концептам коммуникации в “старой философии” (к которой автор относит М. Хайдеггера и Ю. Хабермаса), Дж. Майерсон указывает на социальные риски распространения мобильной телефонии (“мобильного безумия”) по тем сценариям, что предлагали сами компании по производству сотовых телефонов. Он строит свое эссе на философском сравнении концепций коммуникации М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса и К. Ясперса, не противопоставляя их, как указывается в аннотации издательства, а объединяя, и анализирует пресс-релизы Nokia и статьи в газете “Таймс” и журнале “Нью-Йоркер”. Такое исследование нужно автору, чтобы показать главное противоречие, которое несут новейшие технологии: на поверхностном уровне они доводят коммуникацию до совершенства, давая людям в руки уникальный инструмент “бытийства”. ощущения собственного полноценного существования, разделенного с другими, и в то же время они уничтожают саму суть *концепта коммуникации* - в понимании “старых философов”. Это уничтожение видится Дж. Майерсону в разрушении *человеческого* начала коммуникации (общаться будут не люди, а устройства - *Myerson* 2001: 28). Дж. Майерсону удалось выразить общую тревогу по поводу мобильной телефонии - удастся ли в связи с нашествием этих новшеств сохранить коммуникацию, направленную на понимание, а не на самовыражение?

Другое направление научной рефлексии представляет Дж. Э. Катц. В соавторстве с М. Аакусом он выпустил в 2002 г. книгу “Вечный контакт: мобильная связь, личная беседа, публичность”, в которой собрал примеры пользования мобильными телефонами в ряде стран, включая Болгарию, Филиппины, Финляндию, Францию, Израиль, Италию, Корею, Нидерланды, Норвегию и Соединенные Штаты (*Katz, Aakhus* 2002). После данной книги появились и другие исследования этого автора, посвященные социальным последствиям распространения мобильной телефонии. Дж. Э. Катц предложил “теорию аппаратгейста” (*Apparatgeist theory*, по аналогии с “полтергейстом”), в рамках которой фокус исследования перемещается на анимирование мобильного телефона, его “инкорпорированность” не только в повседневность, но и в телесность пользователя. Сегодня Дж. Э. Катц относится к наиболее влиятельным исследователям социальной стороны мобильной телефонии; под его редакцией вышел ряд коллективных сборников, из которых особенно интересна коллективная монография “Машины становятся нами: социальный контекст персональных компьютерных технологий” (*Katz* 2003). Среди исследователей, работающих над этими проблемами, такие авторы, как Л. Фортунати, Т. Копомаа, Р. Линг, Х. Гезер, М. Феррарис, М. Арнольд (*Fortunati* 2009, *Kopomaa* 2000, *Ling* 2004, *Geser* 2004, *Ferraris* 2010)³. Исследования социальных эффектов мобильной телефонии пока редки (стоит упомянуть работу А. А. Петренко-Лысак в журнале “Лабиринт”; см.: *Petrenko-Lysak* 2015).

Что значит победа функций над структурами для мобильных технологий. Обратимся к концепции динамики мобильных технологий в аспекте АСТ. Рассматривая мобильный телефон как предмет (вещь), мы оказываемся в ситуации, прекрасно описанной А. Г. Кузнецовым в его разборе работы Б. Латура “Где недостающая масса?”. “Технолог”, мечтающий исключить все “человеческое” как ненадежное и делегировать “не-человекам”, чье главное позитивное качество - стабильная работоспособность, оказывается па-

радоксальным: “не-человеки” вовсе не обладают этим качеством на 100%, а их “разгильдяйство” поразительно напоминает безответственность работников “из плоти и крови”. Анализируя позицию (“первичного”, как сказал бы М.М. Бахтин) автора, А. Г. Кузнецов приходит к выводу, что Б. Латур обнаруживает недостающую массу не собственно в вещах, так долго исключаемых из сферы внимания социологии (и шире - гуманитаристики), но в сложной системе *отношений*, возникающих между людьми и “не-человеками”. Эта система по сути отличается от обычной системности именно своей “волатильностью”, “гибкостью”, а порой полной непредсказуемостью (но тогда какая же она *система!*). Со времен основных работ И. Пригожина не возникает серьезных сомнений в том, что главное свойство любой системы - самобалансирование (неизбежное следствие неравновесности). В таком случае, мы вполне можем продолжить “физические” наблюдения Б. Латура и к понятию “недостающей массы” добавить метафору “квантования”: вещество не распределяется в виде “комочков” на орбитах атомных ядер, а “квантуется” вокруг них в виде условного облака массы, уплотняющегося то с одной, то с другой стороны такого же “квантованного” ядра. Метафора квантующегося вещества как нельзя больше соответствует поиску недостающей массы, поскольку позволяет обратиться и к такому понятию, как пустота (или расстояние) между этими “облаками”. Если именно в этой пустоте и осуществляется главное (*отношения*), то каким должен быть способ исследования? Как изучить то, что не материализовано?

Мобильные технологии (и короткая, но впечатляющая история их развития) могут быть рассмотрены как релевантная модель *любой системы*, не существующей обособленно от акторов (включенных в систему как ее часть). Мобильный телефон обладает рядом соответствующих характеристик: это элемент повседневной жизни, он создан для обеспечения связи человека с другими людьми (оставляем пока за скобками мультифункциональность), а следовательно, *воплощает* отношения; наконец, будучи именно техно-артефактом, он совершенствуется и меняется, отражая в этом изменении (неартикулированную) потребность людей, включенных в системные отношения друг с другом и “не-человеками”.

Для русскоязычного социального пространства отправной точкой наблюдения может служить фраза “У меня мобильник сдох”. Ее два основных неметафорических смысла - это разрядка батареи (реже - повреждение телефона), либо исчерпание денег на счету (если первое можно считать универсальной глобальной ситуацией, то второе более “национально” и, например, в Европе редко является причиной отключения телефона из-за автоматической привязки к пополняемому счету). Важно другое - простой семантический анализ фразы “мобильник сдох” (объяснение невыхода на связь) указывает сразу на два принципиальных момента: анимированность “аппарата” (то, что Дж. Э. Катц назвал “алпаратгейстом”) и его “не-человеческую” природу (никто не говорит “мобильник умер” или “мобильник скончался”). Семантика фразы ближе к восприятию мобильного телефона как животного (хотя и в менее эмоционально-теплом ключе, чем отношение к настоящему домашнему питомцу - любимцу и баловню семьи). Таким образом, помимо пренебрежения к вещи, скрытого в этом объяснении, мы сразу выявляем и готовность владельца к подвоху: телефон может “вести себя” так, как “захочет” (например, захочет сдохнуть - и все, никуда не денешься).

Для нашего рассмотрения важно, что, хотя исследователи и фиксируют феномен фетишизации телефона (см., напр.: *Glutz, Bertschi, Locke 2005*), скорее всего, процессу фетишизации подвергается его *функция* (возможность предмета обеспечивать связь). Сам по себе аппарат не важен (и легко может быть заменен на новый - чего не скажешь, например, о любимых игрушках у детей). Именно фетишизация функций и обращает нас к *отношениям как объекту* наблюдений. Не узлы сети, но именно “квантование” энергии между этими узлами и символизирует (воплощает в себе, овеществляет) мобильный телефон. Невещественное становится протяженным, имеющим физические характеристики. В таких многофункциональных вещах опредмечивается сразу ряд не-

вещественных отношений. В связи с этим все более значимым становится перенос опредмечивания с телефона на собственно связь (“сдохнуть” может и интернет, что означает потерю доступа к нему). Однако, как только начинается перенос процесса опредмечивания на собственно функцию, неизбежно ослабляется “вещное” значение самого мобильного телефона. Именно поэтому основные прогнозы развития мобильной телефонии лежат в сфере минимизации самого аппарата, а в более отдаленной (или даже близкой) перспективе - его инкорпорации, перехода в разряд “носимого интернета”, некоего чипа, обеспечивающего связь. Несомненно, эти многочисленные прогнозы (часть из них циркулирует в обществе с самого начала эры мобильных телефонов - например, вживление чипа в тело или даже в мозг с целью управляемого общения с другими носителями чипов; другая часть касается “предметного мира” способов ношения телефона, со-присутствия его в человеческой ежедневности - особенно подробно эта тема рассмотрена в коллективной монографии “Машины становятся нами” [Katz 2003]) соответствуют активно развиваемому сегодня тезису о “текучести сред”, в которых пребывает современный человек (Bauman 2008). Если мобильный телефон “встроится” в тело настолько, что вопрос о “модности” его внешнего вида будет снят, наступит время овеществления самой коммуникации, ее процессов.

Ре-овеществление: остановись, текучесть! В романе В. О. Пелевина “Смотритель” параллельно существуют два мира: обычный мир “нормальных людей”, живущих на Ветхой Земле (XXI в.) и “Идиллиум” - мир, открытый в свое время Месмером, воспринимаемый людьми “ветхого пространства” как наваждение, искусственное погружение человека в транс, но - представленный в романе как подлинная разветвленная вселенная со своими правилами, иерархиями и системами отношений. Герой В. О. Пелевина беседует с наставником о мобильных телефонах, которыми все пользуются в Идиллиуме: “А почему телефоны обязательно следует класть ночью на алтарь? - Их надо заряжать Благодатью... На Ветхой Земле нет благодати. Там одно электричество... Мы воспроизводим земные неудобства” (Pelevin 2015: 78-79). Художественный образ “свидетелей прогресса” - то есть наблюдения из мира духовного за миром материальным с целью “точного копирования” земных аппаратов - помогает увидеть важные моменты ре-овеществления: в мире, где функция могла бы исполняться “духовным способом”, она нуждается в опредмечивании. Ритуальная сторона такого излишнего, “нефункционального” опредмечивания кажется значимой: в мире благодати, производимой Ангелами, должны быть те же действия с предметами, что и на Ветхой Земле. Угадывая значимость ритуала, В. О. Пелевин использует сюжет именно с алтарем. Подзарядка телефона превращается в значимое действие (целый ряд исследований посвящен психологии пользования телефоном; чувство облегчения, когда хозяин находит наконец способ подзарядить батарею, может считаться общей реакцией), а значит, может быть и ритуализовано. И тогда сама интеракция (помещение одной вещи на другую) опредмечивается в особой “увязке”: “заряжать Благодатью”. Телефон в мире Идиллиума, не имеющий плат или проводов, фактически выступает ритуализованным симулякром “земного телефона”, а возложение его на алтарь - жестом, создающим новую предметность. Если текучесть (пребывание индивида в постоянно меняющихся средах) рассматривать как состояние повседневности, ускользающее от ритуализации (действительность меняется раньше, чем успевает “застыть” в какой-либо устойчивой форме), то этот пример из романа В. О. Пелевина дает возможность понять новые механизмы ритуализации, связанные с ре-овеществлением: предметы, теряя свою предметность, отдают ее функциям, которые, в свою очередь, не имея никакого предметного оригинала, становятся вещами, предметами.

Интересно, что в одном из примечаний в статье А. Г. Кузнецова о технологe Б. Натура говорится: «Чтобы лучше представить себе опыт взаимодействия с непредсказуемыми артефактами, отвлекитесь на минуту от примера с дверью, и вспомните о вай-фай-роутере в своем университете, который ведет себя то как герои Стивена

Сигала, то как Робин Райт в фильме “Форрест Гамп”» (Kuznetsov 2015: 67). Вряд ли удастся вспомнить, как “ведет себя вай-фай роутер”, но можно вспомнить досаду от пропадания сигнала и разъединения с сетью или медленности соединения. Все эти эффекты связи опредмечены в виде роутера, характеризуемого как капризный, вредный - в общем, с плохим поведением. В отличие от известного примера из романа Н.В. Гоголя “Мертвые души” о дамах, которые для “красоты слога” никогда не скажут “этот стакан или тарелка воняет”, а исключительно “этот стакан нехорошо ведет себя” {Gogol 1994: 146}, пример А. Г. Кузнецова позволяет видеть работу ре-опредмечивания функции: связь “увязана” с предметом, предмет рассматривается как поведенческая структура. Текущие среды оказываются в той же мере открыты опредмечиванию (а как следствие - ритуализации), как и более спокойный порядок стабильных периодов меяеду культурными и научно-техническими революциями. Развивая пример А. Г. Кузнецова, мы можем смоделировать картину “молитвы роутеру” со стороны любого человека, которому связь в этот момент “нужна позарез”. Так, в рассказе “Хирургия” А. П. Чехова, дьячок, войдя в земскую больницу, “ищет глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутылку с карболовым раствором” {Chekhov 1954: 372}. Текучесть, изменчивость, неуловимость и ускользание среды обитания от рефлексии - кажущееся состояние, которому противостоит потребность в стабильности мира, в силу чего любые факторы или признаки этой действительности, укорененные в повседневности и лишь меняющие свои формы, могут опредмечиваться. Мобильный телефон овеществляет сам факт “бытия на связи” и, теряя свою собственную предметность (например, владелец готов к замене одного аппарата на другой, конкретный предмет не важен), делегирует ее функции: быть на связи важнее, чем иметь телефон. Этот процесс в значительной мере влияет на повседневность жизни и может привлечь внимание этнографов: дело не в описании *места предмета* в деятельности человека, но в описании переадресации этой предметности заведомо (вне-предметной) функции.

Ингибиторы прогресса: аутопойесис как гарант стабильности предметного мира. Романтичная история изобретения слова “аутопойесис” Х. Матураной изложена в его книге “Аутопойесис и сознание”. Биолог и психолог, посвятивший жизнь изучению “самореференции” клеточных систем, нашел эту концепцию, обсуждая эссе о Дон Кихоте, в котором фигурировало понятие “пойесис”, противопоставленное “праксису” {Maturana, Varela 1980: xvii} и затем заимствованное Н. Луманом для его теории общества, где сутью жизнеспособности систем объявлялись коммуникации (а прекращение коммуникаций означало смерть и распад системы; см.: Luhmann 2007). Несомненно, перенос исследовательского интереса на связи и отношения позволяет увидеть значимость обмена как такового (лежащего в основе живых систем в принципе) и опора Н. Лумана на труды Х. Матураны и его последователей логична. Идем ли мы от биологии с ее клеточными системами и их циркулярностью, от физики с ее концепцией неравновесных и диссипативных структур или от социологии с ее помещением в фокус внимания текучести или отношений, мы рефлексивно переходим от собственно *акторной* составляющей и вытекающих из такого подхода последствий к *сетевой* организации системы, где факт установления связи между двумя узлами достаточен для их конституирования. Концепция аутопойесиса предполагает, что система постоянно воспроизводит сама себя - реплицирует, клонирует, поддерживая баланс и жизнеспособность. В определенном смысле такая стабильность (и значит, предсказуемость) возможна при балансе и равномерности новаций и традиций (всякое новое “приглушается” старым либо вписывается в готовые модели, уже ритуализованные).

Интересный пример такой “ингибиции” - книга, будучи устаревающим на наших глазах носителем информации, книга становится уникальным случаем для наблюдателя: сначала новейшие электронные носители подстраиваются под “старую добрую бумажную книгу” (размер ридеров, имитация перелистывания страниц на дисплее планшета, современные “читалки”, имитирующие полки с книгами, и прочая анимация, дающая

ощущение “библиотечного” чтения), а затем книга начинает трансформироваться в произведение искусства (процесс, обратный тому, что описан В. Беньямином в его известном эссе [*Benjamin 1996*]): появляется все больше уникальных изданий, номерных экземпляров, предметов роскоши, достойных коллекционирования и т. и. Одновременно оформляется идеологическое поле, культивирующее тему угроз, которые несет за собой отказ от книги в ее бумажной форме. Это поле прирастает за счет новых исследований, пропаганды, рекламы и политики. Создается искусственное сдерживание необратимого процесса (социально более глубокое, чем, например, периодический откат к старым носителям музыки, имеющий в большей мере ретро-ностальгическую ауру).

Возвращаясь к мобильному телефону, следует заметить, что, например, уже сейчас возникают такие социальные эффекты, как демонстративное мобильное хипстерство - выбор пользователями простейших моделей “одноклеточного типа”, выполняющих исключительно функцию телефонной трубки. Такие реакции воплощают работу ингибиторов - стихийно возникающего желания сохранить объект в том виде, в каком он изначально появился, “заморозить” его во времени. Еще более значимым моментом становится динамика телефонизации мира. Многократно приводимые сведения, что число пользователей превысило число людей на Земле, - не более чем “передергивание фактов”: речь идет о числе проданных сим-карт, которых у одного пользователя часто две и более. При этом никто не учитывает “мертвые симки” (ку плены, активированы и заброшены). Число уникальных пользователей посчитать так трудно, что влиятельная исследовательская группа “We Are Social” приводит данные двух серьезных компаний (разница между данными которых 25%! - что делает “погрешность” границей со случайностью: GSMA Intelligence Data дает 3,9 млрд уникальных пользователей на юнец 2015 г., Ericsson Mobile Data показывает 4,8 млрд уникальных пользователей). “We Are Social” для своего официального отчета “Digital 2016” руководствуются цифрой 3,8 млрд (глубина проникновения мобильных технологий достигла 51% от общего числа жителей Земли). Разумеется, ожидать 100% не приходится (грудные младенцы, хотя бы, могут быть исключены), однако оптимистические прогнозы начала XXI в. тоже не сбылись. Если *только* половина населения земного шара использует мобильные телефоны сейчас, то это говорит не только и не столько об отсталости, сколько о включении ингибиторов и ограничителей “самоохранного” свойства. Процент прироста числа пользователей составляет в настоящее время 140 миллионов в год (около 4%; см.: Digital 2016), но статистические методы несовершенны (как, например, учитывается число умерших пользователей мобильных телефонов? Сим-карта - не паспорт, на нее свидетельство о смерти не обменивают). Общее замедление проникновения мобильных технологий как раз объясняется этими самоохранными механизмами. Замедление очевидно, например, и в распространении такой технологии, как Google Glasses - все прогнозы относительно ожидаемого роста популярности этих “очков” были опровергнуты реальным развитием событий.

Если вернуться к прогнозам-антиутопиям, например, Дж. Майерсона, то можно с уверенностью (с высоты 15 лет, минувших с момента выхода его книги) сказать, что обычное человеческое общение (Дж. Майерсон назвал его - по аналогии с m-communication, мобильным общением,- s-communication, “still communication”, то есть “все-еще-общение” [*Myerson 2001: 80*]), реконфигурируясь и обретая все новые способы опредмечивания, остается сутью системы, его жизненной силой. Угрозы, которые порождает прогресс коммуникаторов, оказываются не более чем моделированием, которое вряд ли реализуется в жизни.

Выводы и перспективы исследования. Осуществленный в статье теоретический подход к такому феномену, как мобильные технологии, позволяет развить тезис о “квантовании массы” вещественности в области функции вещи, когда собственно предметное, материальное становится все менее значимым (ускользает от воплощенности), а функция, выполняемая предметом, обретает материальные контуры. Сама тенденция переноса внимания пользователей с предмета и его “телесности” (мобиль-

ного телефона) на *отношение* в виде связи или “доступа” создает условия для превращения этой абстракции в вещь. Таким образом, и сама вещь, обеспечивая функции коммуникации в текучих средах, обретает новые качества, теряя свою материальность и определенность. С точки зрения будущего развития технологий создаются предпосылки для инкорпорации мобильного телефона (а значит, во многом “аннулирования” его вечности): погруженность внутрь организма, в какой бы форме она ни состоялась, лишает вещь ее определенности, а минимализация, неизбежная при таком развитии, обеспечивает нечувствительность коллективной психологии к такой “вечности”. С одной стороны, это ответ на “номофобию” (от англ. “nomophobia”, “No-Mobile-Phone Phobia” [см.: Nomophobia 2008]) - страх остаться без телефона, зависимость от мобильного телефона (если телефон “вшит”, то страха больше нет, он всегда с тобой). С другой стороны, даже готовность пользователей менять вещь не с целью повышения статуса (обладание более престижной вещью), но исключительно в надежде получить лучший функционал может рассматриваться как “таяние предметности”, самой этой вещи (как если бы в автомобильной культуре осталась только скорость перемещения с сохранением автомобильного комфорта, а средство перемещения становилось бы все менее значимым). “Акторное” растворяется в “сетевом”. Эта тенденция может иметь серьезные социальные последствия. В то же время сам принцип рассмотрения вещи и ее функций в текучей современности может способствовать открытию новых форм материального (например, функция обретает свою материальность в протоколе передачи оцифрованных данных, а сам протокол становится новой письменностью, не обладающей ни материальными, ни ментальными признаками прежнего текста).

Примечания

¹ См.: “Mapping Controversies on Science for Politics” (<http://mappingcontroversies.net/Home/AboutMacospol>).

² Мобильными по сути именуются и радиотелефоны или телефоны спутниковой связи. Однако массовое проникновение получила именно сотовая связь, поэтому в статье под термином “мобильный телефон” подразумевается именно сотовое устройство, “сотовый” и “мобильный” используются как синонимы.

³ Обширную библиографию работ по теме, ³ составленную на март 2014 г., можно найти в публикации: *Haddon 2014*.

Источники и материалы

Digital 2016 - Digital in2016 //WeAre Social. 27.01.2016. URL: <http://wearesocial.sg/blog/2016/01/digital-2016>

Haddon 2014 - Haddon L. Mobile References: References on the Mobile Phones (and the Use of ICTs When Travelling and in Public Spaces) // URL: www.lse.ac.uk/media@lse/WhosWho/AcademicStaff/LeslieHaddon/MobileRefs.aspx

Nomophobia 2008 - Nomophobia Is the Fear of Being out of Mobile Phone Contact - And It's the Plague of Our 24/7 Age // MailOnline. 31.03.2008. URL: www.dailymail.co.uk/news/article-550610/Nomophobia-fear-mobile-phone-contact - plague-24-7-age.html

Article Summary

Etnograficheskoe obozrenie, 2016, no. 5

M.V. Zagidullina. Mediatizatsiia moMrnvkhkommunikatsii (aktorno-sctcvoi podkhod) [The Mediatization of Mobile Communications (An Actor-Network Approach)]

Keywords: mobile phone, theory of functions, theory of structures, thing, materiality, hybrid, mobility

Abstract: The article attempts to trace the range of transformations in cultural practices that mobile technologies (particularly mobile phones) bring into everyday life. The author pinpoints

three major trends marking such transformations: 1) an ongoing dematerialization of mobile telephony moving towards the dominance of function over structure; 2) an acceptance of changes in everyday culture into traditions and rituals and the beginning of rematerialization of liquidity; 3) the inhibition of development and its possible social consequences (the autopoiesis of the system as a way of slowing down social changes that are unfolding too swiftly).

Author. Marina Zagidullina, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia); e-mail: mzagidullina@gmail.com

References

- Bauman Z. *Tekuchaia sovremennost'*. St. Petersburg: Piter, 2008.
- Bakhtin M.M. *TvorchestvoFransuaRabie inarodnaiakul'turasrednevekov'ia iRenessansa*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1990.
- Benjamin W. *Proizi'edenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti*. Moscow: Medium, 1996.
- Baudrillard J. *Sistema veshchei*. Moscow: Rudomino, 2001.
- Chekhov A.P. *Sob ranie sochinenii*. Vol. 2. *Rasskazy 1883-1884*. Moscow: GIKhL, 1954.
- Eliade M. *Sviashchennoe i mirskoe*. Moscow: Moscow State University, 1994.
- Ferraris M. *Ty gde? Ontologiya mobil'nogo telefona*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
- Fortunati L. Mobil'naia svyaz' - svyazuiushchee zveno ustnogo i pis'mennogo obshcheniia. *Informatsionnoe obshchesh'vo*, 2009, no. 6, pp. 17-28.
- Geser H. Towards a Sociology of the Mobile Phone. *Sociology in Switzerland: Sociology of the Mobile Phone*. Online Publications. Zürich, May 2004, pp. 1-47. URL: http://socio.ch/mobile/t_geserl.pdf
- Glutz R., Bertschi S., Locke C. (eds). *Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society*. Bielefeld: Transcript Publ., 2005.
- Goggin G. *Cell Phone Culture: Mobile Technology in Everyday Life*. Abingdon: Routledge, 2006.
- Gogol N. V. *Sobranie sochinenii*. Vol. 5. *Mertvye dushi*. Moscow: Russkaia kniga, 1994.
- Kuznetsov A. G. Latur i ego tekhnolog: veshchi, ob'ekty i tekhnologii v aktorno-setevoi teorii. *Sotsiologiya vlasti*, 2015, vol. 27, no.1, pp. 55-89.
- Leleko V. D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropeiskoi kill hire*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstv, 2002.
- Luhmann N. *Sotsial'nye sistemy: ocherk obshchei teorii*. St. Petersburg: Nauka, 2007.
- MacLuhan M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniia cheloveka*. Moscow: Kanon-press, 2003.
- Pelevin V.O. *Smotritel'*. Vol. 2. *Zheleznaia bezdna*. Moscow: Eksmo, 2015.
- Petrenko-Lysak A. A. Homo mobilis v tranzit(iv)nom potoke mobiPnykh kommunikatsii. *Labirint*, 2015, no. 3, pp. 44-53.
- Katz J., Aakhus M. *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Kopomaa T. *The City in Your Pocket. Birth of the Mobile Information Society*. Helsinki: University Press, 2000.
- Ling R. *The Mobile Connection: The Cell Phone s Impact on Society*. San Francisco: Morgan Kaufmann, 2004.
- Larsen J., Urry J., Axhausen K.W. *Mobilities, Networks, Geographies: Transport and Society*. Ashgate, 2006.
- Katz J. E. (ed.) *Machines that Become Us: The Social Context of Personal Communication Technology*. New Brunswick: Transaction Publ., 2003.
- Maturana H.R., Varela F. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordrecht: D. Reidel, 1980.
- Myerson G. *Heidegger, Habermas and the Mobile Phone*. London: Icon Books Ltd., 2001.
- Urry J. *Mobil'nosti*. Moscow: Praxis, 2012.
- Vakhshain V. S. Vozvrashchenie material'nogo: "prostranstva", "seti", "potoki" v aktorno-setevoi teorii. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2005, vol. 4, no. 1, pp. 94-115.